

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	6
Варвара Головина	8
Роксана Эдлинг	96
Мария Муханова	147
Анна Тютчева	168
Александра Толстая	275
Мария Фредерикс	411
Мария Паткуль	465

ПРОЛОГ

Этим женщинам была отведена скромная роль фрейлин при царствовавших семьях. Они добросовестно ее исполняли, трепеща перед августейшими особами, осознавая степень доверия к себе.

В России фрейлины появились в Петровскую эпоху. Во фрейлины попадали образованные девушки, с хорошими манерами, чьи родители были известны при дворе.

Каждая царская семья имела по несколько фрейлин, обязанности между которыми были строго распределены. Одни из них были в свите, другие сопровождали на балы, третьи были приставлены к детям. Все они служили верой и правдой своему государю и государыне, стараясь запомнить важные события, поступки царствующих особ. Те из них, кто владел пером, а таких было немало, оставили после себя записки, с тем чтобы потомки смогли из первых рук узнать об эпохе, в которую они жили, и прежде всего о государе и государыне, которым они служили. Конечно, они не могли быть беспристрастны в своих симпатиях и антипатиях, но ведь и историки зачастую рисовали действительность в угоду существовавшему режиму.

Эти женщины не брали на себя никаких обязательств, они просто вели записи для себя и своих близких.

Читателям уже известны дневники Вырубовой, воспоминания Смирновой-Россет и других.

В настоящем издании собраны воспоминания особ малоизвестных, чьи записи не уступают, а во многом и превосходят уже опубликованные материалы. По-разно-

му сложились их судьбы и отношения с царствовавшими особами, по-разному они и воспроизвели события, свидетелями которых являлись. В основном все материалы, выдержки из которых мы предлагаем вниманию читателей, были напечатаны в журналах прошлого века, таких как «Русский архив», «Исторический вестник», и не выходили отдельными изданиями.

ВАРВАРА ГОЛОВИНА

1766—1821

Фрейлина Высочайшего двора

В жизни наступает время, когда начинаешь жалеть о потерянных мгновениях первой молодости, когда все должно бы нас удовлетворять: здоровье юности, свежесть мыслей, естественная энергия, волнующая нас. Ничто нам тогда не кажется невозможным; все эти способности мы употребляем только для того, чтобы наслаждаться различным образом; предметы проходят перед нашими глазами, мы смотрим на них с большим или меньшим интересом, некоторые из них поражают нас, но мы слишком увлечены их разнообразием, чтобы размышлять. Воображение, чувствительность, наполняющие сердце, душа, по временам смущающая нас своими проявлениями, как бы заранее предупреждая, что это она должна восторжествовать над нами; все эти ощущения беспокоят нас, волнуют, и мы не можем разобраться в них.

Вот приблизительно что я испытала, вступив в свет в ранней юности.

Я встречала более роз, чем шипов, на жизненном пути. Их разнообразие и богатство, казалось, умножались передо мной. Я была счастлива. Частое счастье гонит прочь равнодушие и располагает нас с участием относиться к счастью других. Несчастье же набрасывает пелену печали на предметы, его окружающие, и постоянно удерживает наше внимание на наших собственных страданиях, пока Бог в бесконечной Своей милости не откроет новый путь нашим чувствам и не смягчит их.

«Портрет графини Варвары Головиной».
Художник Элизабет Виже-Лебрен.

Варвара Николаевна Головина, урожденная княжна Голицына (1766–1819) – мемуаристка и художница, любимая племянница И. И. Шувалова, приближенная императрицы Елизаветы Алексеевны

В шестнадцать лет я получила шифр фрейлины. Их было тогда двенадцать. Почти каждый день я была при дворе. По воскресеньям бывало собрание «большого Эрмитажа», на которое допускались дипломатический корпус и особы первых двух классов, мужчины и женщины. Собирались в гостиной, где появлялась Императрица и поддерживала разговор. Затем все следовали за ней в театр; ужина не было. По понедельникам бывал бал и ужин у Великого Князя Павла. По вторникам я была дежурной. Мы проводили вместе с подругой часть вечера в бриллиантовой комнате, названной так потому, что там хранились драгоценности и между ними корона, скипетр и держава. Императрица играла в карты со старыми придворными. Две фрейлины сидели около стола, и дежурные придворные занимали их.

По четвергам было собрание «малого Эрмитажа» с балом, спектаклем и ужином; иностранные министры не бывали на этих собраниях, но остальные посетители были те же, что и по воскресеньям, кроме того, в виде милости, допускались некоторые дамы. По пятницам я была дежурной, по субботам наследник трона давал великолепный праздник. Приезжали прямо в театр, и, когда появлялись Их Императорские Высочества, начинался спектакль; после спектакля очень оживленный бал продолжался до ужина, который подавался в зале театра; посередине залы ставили большой стол, а в ложах — маленькие; Великий Князь и Княгиня ужинали, прохаживаясь между гостями и разговаривая с ними. После ужина опять начинался бал и кончался очень поздно. Разъезжались с факелами, что производило прелестный эффект на скованной льдом прекрасной Неве.

Эта эпоха была самой блестящей в жизни двора и столицы: все гармонировало. Великий Князь виделся с Императрицей-матерью утром и вечером. Он участвовал в Тайном Совете. Город был полон знати. Каждый день можно было встретить тридцать-сорок человек гостей у Голицы-

на¹ и Разумовского², у первого министра графа Панина, где часто бывали Великий Князь и Княгиня, у графа Чернышева и у вице-канцлера, графа Остермана. Там бывало много иностранцев, приезжавших посмотреть на Екатерину Великую и подивиться ей; общий тон общества был великолепен.

Девятнадцать лет я вышла замуж; моему мужу было в это время двадцать девять. Свадьба была отпразднована 4 октября в Зимнем дворце. Ее Императорское Величество надели мне бриллианты на прическу. Императрица, кроме обыкновенных драгоценностей, прибавила еще рог изобилия. Это не ускользнуло от баронессы, любившей меня, и она сделала замечание. Ее Императорское Величество ответила, что это украшение служило ей и она выделяет им тех из невест, которые ей больше нравятся. Я покраснела от удовольствия и благодарности. Императрица заметила мою радость и, ласково подняв мой подбородок, сказала: «Посмотрите на меня; вы вовсе недурны».

Я встала; она провела меня в свою спальню, где были образа, и, взяв один, приказала мне перекреститься и поцеловать его. Я бросилась на колени, чтобы принять благословение Ее Величества; она обняла меня и взволнованно сказала: «Будьте счастливы; я желаю вам этого, как мать и государыня, на которую вы всегда должны рассчитывать».

Императрица сдержала свое слово: ее милостивое отношение ко мне продолжалось, все возрастая, до самой ее смерти.

Императрица послала графиню Шувалову и г. Стрекалова³ ко двору маркграфа Баденского просить как его, так

¹ Князь Александр Михайлович Голицын (1718—1783) — русский генерал-фельдмаршал из рода Голицыных-Михайловичей.

² Граф (с 1744) Кирилл Григорьевич Разумовский (фамилия при рождении — Розум; 1728—1803) — последний гетман войска Запорожского (1750—1764), генерал-фельдмаршал (1764), президент Российской академии наук в течение более чем полувека (с 1746 по 1798). Основатель графского и княжеского рода Разумовских.

³ Степан Федорович Стрекалов (1728—1805) — статс-секретарь императрицы Екатерины II, тайный советник, сенатор.

и наследного принца, чтобы дочь последнего, Луиза, приехала в Россию. Она прибыла 31 октября 1792 г. вместе со своей сестрой Фредерикой, позднее королевой Шведской. Принцессе Луизе было тринадцать с половиной лет, ее сестре — на год меньше. Их приезд произвел большую сенсацию. Дамы, посещавшие Эрмитаж, были им представлены каждая в отдельности. Я не была в их числе. Я только что оправилась от очень серьезной болезни после смерти моей второй дочери, прожившей всего только пять месяцев. Я увидела принцесс только две недели спустя после других дам.

Я имела честь быть представленной им во дворце, где были их апартаменты, примыкавшие к Эрмитажу. Я была поражена очаровательной прелестью принцессы Луизы. Такое же впечатление вынесли все, видевшие ее раньше меня. Я особенно привязалась к принцессе. Ее молодость и нежность внушали мне живое участие к ней и нечто вроде боязни за нее, от чего я не могла отделаться, отлично зная мою родственницу, графиню Шувалову, характер которой, склонный к интригам и безнравственный, внушал мне опасения. Императрица, назначив меня в штат принцессы, тем самым, казалось, разрешала мне проявить искреннее усердие, которое далеко не было официальным.

Я привожу здесь, что принцесса Луиза, теперь императрица Елизавета, сама рассказала мне о своем приезде в Петербург¹.

«Мы приехали, моя сестра, принцесса Фредерика, впоследствии королева Шведская, и я, между восемью и девятью часами вечера. В Стрельне, последней станции перед Петербургом, мы встретили камергера Салтыкова, которого Императрица назначила дежурным к нам и послала навстречу, чтобы поздравить нас. Графиня Шувалова и г. Стрекалов оба сели в нашу карету, и все эти приготовления к моменту, самому интересному в моей жизни

¹ Этот рассказ полностью приведен по записке принцессы, хранящейся в Императорской библиотеке, великим князем Николаем Михайловичем в его труде «Императрица Елизавета» (СПб., 1908. Т. I).

и всю важность которого я уже чувствовала, наполняли мою душу волнением, когда, въезжая в городские ворота, я услышала, как воскликнула: “Вот мы и в Петербурге!”

Невольно, в темноте, мы с сестрой взяли за руки, и по мере того, как мы ехали, мы сжимали друг другу руки, и эта немая речь говорила нам о том, что делается внутри нас.

Мы остановились у Шепеловского дворца; я бегом поднялась по хорошо освещенной лестнице; графиня Шувалова и Стрекалов, оба с довольно слабыми ногами, остались далеко позади меня. Салтыков был со мной, но он остался в передней. Я прошла по всем помещениям, не останавливаясь, и вошла в спальню, обитую малиновым штофом; там я увидела двух женщин и мужчину и сейчас же с быстротой молнии сделала следующий вывод: “Я нахожусь в Петербурге у Императрицы; нет ничего проще, что она встречает меня, следовательно, это она передо мною”, и я подошла, чтобы поцеловать руку у той, которая наиболее соответствовала представлению об Императрице, которое я составила по виденным мною портретам. Несколько лет спустя, с большим светским опытом, я, наверно, колебалась бы более долгое время, прежде чем поступить так».

«Она была с князем Zubовым¹, тогда еще просто Платоном Zubовым, и с графиней Браницкой, племянницей князя Потемкина. Императрица сказала, что ей очень приятно познакомиться со мной; я передала ей приветствия моей матери. Между тем пришли моя сестра и графиня Шувалова. После нескольких минут разговора Императрица удалилась, и я отдалась волшебному чувству, вызванному во мне всем, что я видела кругом себя. Я никогда не видела, чтобы что-нибудь производило такое сильное впечатление, как двор Императрицы Екатерины, когда его видишь в первый раз».

¹ Светлейший князь (с 1796) Платон Александрович Zubов (1767 — 1822) — последний фаворит Екатерины II, которая подарила ему Рундальский дворец в Курляндии.

«На третий день после нашего приезда, вечером, нас должны были представить Великому Князю отцу и Великой Княгине. Весь день прошел в том, что нас причесывали по придворной моде и одевали в русские платья. Я в первый раз в жизни была в фижмах и с напудренными волосами. Вечером, в шесть или семь часов, нас отвели к Великому Князю отцу, который нас принял очень хорошо. Великая Княгиня осыпала меня ласками; она говорила со мной о моей матери, семье, о тех сожалениях, которые я должна была испытать, покидая их. Такое обращение расположило меня к ней, и не моя вина, если эта привязанность не обратилась в настоящую любовь дочери».

«Все сели; Великий Князь послал за молодыми Великими Князьями и Княгинями. Я как сейчас вижу, как они вошли. Я смотрела на Великого Князя Александра так внимательно, насколько это позволяло приличие. Он мне очень понравился, но не показался мне таким красивым, как мне его описали. Он не подошел ко мне и смотрел на меня неприязненно. От Великого Князя мы направились к Императрице, которая уже сидела за своей обычной партией бостона в бриллиантовой комнате. Нас посадили с сестрой около круглого стола с графиней Шуваловой, дежурными фрейлинами и камергерами. Два молодых Великих Князя вскоре пришли после нас. Великий Князь Александр во весь вечер не сказал мне ни слова, не подошел, видимо, избегая меня. Но понемногу он освоился со мной. Игры в Эрмитаже в небольшом обществе, вечера, проведенные вместе за круглым столом, где мы играли в секретер или смотрели гравюры, постепенно привели к сближению».

«Однажды вечером, когда мы рисовали вместе с остальным обществом за круглым столом в бриллиантовой комнате, Великий Князь Александр подвинул мне письмо с признанием в любви, которое он только что написал. Он говорил там, что, *имея разрешение своих родителей сказать мне, что он меня любит, он спрашивает меня, желаю ли я принять его чувства и ответить на них и может ли он надеяться, что я буду счастливой, выйдя за него замуж*».

«Я ответила утвердительно, так же на клочке бумаги, прибавляя, что я покоряюсь желанию, которое выразили мои родители, посылая меня сюда. С этого времени на нас стали смотреть как на жениха и невесту. Мне дали учителя русского языка и “Закона Божия”».

На следующий день после представления принцессы Луизы Императрица дала аудиенцию делегатам Польши, графам: Браницкому, Рзевускому и Потоцкому, — стоявшим во главе партии, не желавшей наследственности престола в Польше. Они приехали просить Ее Величество взять Польшу под свое покровительство. Это была первая церемония, на которой участвовала принцесса Луиза. Императрица находилась на троне в тронном зале. Публика наполняла помещение, и толпа теснилась около залы кавалергардов. Граф Браницкий произнес по-польски речь. Вице-канцлер Остерман отвечал по-русски, стоя около ступеней трона. Когда окончилась церемония, Императрица возвратилась в свои апартаменты. Принцесса Луиза последовала за ней, но, обходя трон, она запуталась ногой в нитях и бахроме бархатного ковра и упала бы, если бы Платон Зубов не поддержал ее.

Она смутилась и была в отчаянии от этого случая, тем более что она в первый раз появилась публично. Нашлись смешные люди, которые сочли это дурным предзнаменованием. Им не пришло в голову сравнение одного августейшего лица, вспомнившего при этом случае Цезаря, который так счастливо выпутался в подобном обстоятельстве. Высаживаясь на берег Африки, чтобы следовать за остатками республиканской армии, он упал и воскликнул: “Африка, я держу тебя!”, обращая таким образом в свою пользу случай, который другие могли бы дурно истолковать.

Я приближаюсь к самому интересному моменту в моей жизни.

Красивое и новое зрелище открылось перед моими глазами: величественный двор; государыня заметно сблизилась со мной, которая должна была вызвать во мне без-

условную привязанность. Чем более имела я честь видеть принцессу Луизу, тем более внушала она мне абсолютную преданность. Несмотря на ее молодость, мое участие к ней не ускользнуло от ее внимания. Я с радостью заметила это. В начале мая двор уехал в Царское Село. На следующий за отъездом день Ее Императорское Величество приказала моему мужу, чтобы я приехала туда на все лето.

Этот приказ привел меня в восхищение. Я отправилась сейчас же, чтобы приехать раньше, чем начнется вечер у Императрицы. Как только я окончила туалет, я сейчас же отправилась во дворец, чтобы быть представленной ей. Она появилась в шесть и встретила меня очень милостиво, говоря: «Я очень рада видеть вас в числе наших. Будьте с сегодняшнего дня госпожой Толстой Маршалшей¹, чтобы иметь более внушительный вид».

Я хочу сейчас дать понятие о лицах, которым было разрешено пребывание в Царском Селе и которые были допущены в ее кружок. Но прежде чем рисовать различные портреты, я хотела бы дать образ государыни, которая в продолжение тридцати четырех лет делала счастливой Россию.

Потомство будет судить Екатерину II со всем пристрастием людей. Новая философия, которой она, к несчастью, была заражена и которая была ее главным недостатком, обволакивает как бы густой вуалью ее великие и прекрасные качества. Но мне казалось бы правильным проследить ее жизнь с юности, прежде чем заглушать отзвуки ее славы и непередаваемой доброты.

Императрица была воспитана при дворе принца Ангальтского, своего отца, невежественной гувернанткой низкого поведения, которая едва могла научить ее читать².

¹ Мы дали это прозвище, потому что мой муж был немножко толст. — *Прим. авт.*

² Автор несправедлив к м-ль Гардель, француженке, правда, не очень ученой, но которой Екатерина II, во всяком случае, обязана большим, чем умение читать. — *Прим. сост.*

Ее родители никогда не занимались ни ее убеждениями, ни ее воспитанием. Ее привезли и Россию семнадцатилет, она была красива, полна естественной грации, талантов, чувственности и остроумия, с желанием учиться и нравиться.

Ее выдали замуж за герцога Голштинского, бывшего тогда Великим Князем и наследником Императрицы Елизаветы, своей тетки. Он был некрасив, слабоволен, маленького роста, мелочен, пьяница и развратник. Двор Елизаветы также представлял полную картину разврата. Граф Миних¹, умный человек, первый разгадал Екатерину и предложил ей учиться. Это предложение было поспешно принято. Он дал ей для начала словарь Бейля, произведение вредное, опасное и соблазнительное, в особенности для того, у кого нет ни малейшего представления о божественной истине, поражающей ложь². Екатерина прочла его три раза подряд в течение нескольких месяцев. Оно воспламенило ее воображение и потом привело ее к общению со всеми софистами. Таковы были склонности принцессы, ставшей женой Императора, у которого не было другого честолюбия, как сделаться капралом Фридриха II. Россия была под игмом слабости; Екатерина страдала от этого; ее великие и благородные мысли перешагнули через препятствия, противившиеся ее подъему. Ее характер возмущался развращенностью Петра и его презрительным отношением к своим подданным. Всеобщая революция собиралась разразиться. Желали регентства, и так как у Императрицы был десятилетний сын — впоследствии Павел I, — то было решено, что Петра III отошлют в Голштинию. Князь Орлов и его брат, граф Алексей, пользовавшиеся тогда расположением Императрицы, должны были отправить его. Приготовили корабли в Кронштадте, и на них хотели отправить Петра с его батальонами в Гол-

¹ Жан Эрнест (сын знаменитого фельдмаршала) родился в 1707, умер в 1788. — *Прим. автора.*

² Все эти подробности получены мною от моего дяди Шувалова, которому Императрица рассказывала все это сама. — *Прим. автора.*

штину. Он должен был переночевать накануне отъезда в Ропше, близ Ориенбаума.

Я не буду входить в подробности этого трагического события. О нем слишком много говорили и извращали его; но, способствуя истине, я считаю необходимым привести здесь подлинное свидетельство, слышанное мною от министра графа Панина. Его свидетельство является тем более неоспоримым, что известно, что он не был особенно привязан к Императрице. Он был воспитателем Павла, надеялся, что будет держать бразды правления во время регентства женщины, и обманулся в своих ожиданиях. Сила, с которой Екатерина овладела властью, разбила все его честолюбивые замыслы и оставила в его душе недоброжелательное чувство.

Однажды вечером, когда мы были у него, в кругу его родственников и друзей, он рассказал нам много интересных анекдотов и незаметно подошел к убийству Петра III. «Я был, — говорил он, — в кабинете Императрицы, когда князь Орлов пришел известить ее, что все кончено. Она стояла посреди комнаты; слово “кончено” поразило ее. — “Он уехал!” — возразила она сначала. Но, узнав печальную истину, она упала без чувств. С ней сделались ужасные судороги, и одну минуту боялись за ее жизнь. Когда она очнулась от этого тяжелого состояния, она залилась горькими слезами, повторяя: “Моя слава погибла, никогда потомство не простит мне этого невольного преступления”. Фавор заглушил в Орловых всякое другое чувство, кроме чрезмерного честолюбия. Они думали, что если они уничтожат Императора, Князь Орлов займет его место и заставит Императрицу короновать его».

Трудно описать твердость характера Императрицы в ее заботах о государстве. Она была честолюбива, но в то же время покрыла славой Россию; ее материнская заботливость распространялась на каждого, как бы он незначителен ни был. Трудно представить зрелище, более величественное, чем вид Императрицы во время приемов. И нельзя было быть более великодушным, любезным и

«Екатерина после приезда в Россию».

Художник Луи Каравак. 1745 г.

Екатерина II Алексеевна Великая
(урожденная София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская,
1729–1796) – императрица Всероссийская с 1762 по 1796 год

